ЛЕОНИДЪ КАННЕГИСЕРЪ

СТАТЬИ

ГЕОРГІЯ АДАМОВИЧА
М. А. АЛДАНОВА
ГЕОРГІЯ ИВАНОВА

ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ СТИХОВЪ
ЛЕОНИДА КАННЕГИСЕРА

ПАРИЖЪ 1928

Статьи

ГЕОРГІЯ АДАМОВИЧА

М. А. АЛДАНОВА

ГЕОРГІЯ ИВАНОВА

Леонидъ Каннегисеръ
1912

1913

1916

1918

(снято въ Че-Ка; см. стр. 51)

Въ юдольной нѣгѣ милыхъ встрѣчъ
Есть сочувствующій геній,
Неуловимѣйшая рѣчь —
Въ лѣнивомъ шопотѣ растеній.
У зримыхъ чертъ — незримый ликъ,
И въ сердцѣ есть подъ каждой схимой —
И сладости неизъяснимой
И силъ таинственный родникъ.

18 февр. 1916 г.
СПб.

I

Сократъ. Или ничего не стоили по твоему тѣ божественные люди, которые сражались подъ стѣнами Трои, и первый изъ нихъ, безстрашный сынъ Ѳетиды? Ему вѣдь сказала богиня: если ты отомстишь за Патрокла, ждетъ тебя неминуемая гибель. А онъ ей отвѣтилъ: презираю я смерть и презираю опасность. Хуже мнѣ жить, не отомстивъ за моего друга.

Платонъ.

Слѣдующія ниже страницы относятся къ юношѣ, такъ трагически погибшему пять лѣтъ тому назадъ*). Я хорошо его зналъ. Безпристрастно, какъ могъ, я собралъ свѣдѣнія объ убитомъ имъ человѣкѣ. То, что я пишу, не исторія, а источникъ для

*) Настоящая статья написана въ 1923 г.

нея. У историка будутъ матеріалы, какихъ я не имѣю. Но и у меня были матеріалы, которыхъ онъ имѣть не будетъ, онъ, никогда не видавшій ни Каннегисера, ни Урицкаго*).

По разнымъ причинамъ я не ставлю себѣ задачей характеристику Леонида Каннегисера. Эта тема могла бы соблазнить большого художника; возможно, что для нея когда нибудь найдется Достоевскій. Достоевскому принадлежитъ по праву и тотъ городъ, въ которомъ жилъ и погибъ Каннегисеръ, страшный Петербургъ десятыхъ годовъ...

Скажу лишь, что молодой человѣкъ, убившій Урицкаго, былъ исключительно одаренъ отъ природы. Талантливый поэтъ, онъ оставилъ послѣ себя нѣсколько десятковъ стихотвореній. Изъ нихъ были напечатаны, въ «Сѣверныхъ Запискахъ» и въ «Русской Мысли», шесть или семь, — отнюдь не лучшія. Многое другое онъ мнѣ читалъ въ свое время.

Не знаю, сколько именно «пролетарскихъ поэтовъ» породила большевицкая революція, — объ ихъ шедеврахъ что - то не слышно. Вотъ зато другой, очень неполный, списокъ: казненъ Гумилевъ, одинъ изъ самыхъ крупныхъ талантовъ послѣдняго

---

*) Это, впрочемъ, не такъ ужъ невыгодно для историка. Ему достанется, по крайней мѣрѣ, полная свобода сужденія и оцѣнки. У меня полной свободы нѣтъ.

десятилѣтія; казненъ девятнадцатилѣтній князь Палѣй*), въ которомъ компетентный человѣкъ, А. Ф. Кони, видѣлъ надежду русской литературы; казненъ Леонидъ Каннегисеръ.

Но, говоря объ исключительныхъ дарованіяхъ убійцы Урицкаго, я имѣю въ виду не только его поэтическія произведенія. Онъ всей природой своей былъ на рѣдкость талантливъ.

Судьба поставила его въ очень благопріятныя условія. Сынъ знаменитаго инженера, имѣющаго европейское имя, онъ родился въ богатствѣ, выросъ въ культурнѣйшей обстановкѣ, въ домѣ, въ которомъ бывалъ весь Петербургъ. Въ гостиной его родителей царскіе министры встрѣчались съ Германомъ Лопатинымъ, изломанные молодые поэты со старыми заслуженными генералами.

Этотъ баловень судьбы, получившій отъ нея блестящія дарованія, красивую наружность, благородный характеръ, былъ несчастнѣйшій изъ людей.

Мнѣ были недавно даны выдержки изъ оставшагося послѣ него дневника. Разстрѣлянъ тотъ, кто писалъ дневникъ; разстрѣлянъ и тотъ, кто уберегъ его въ дни, послѣдовавшіе за убійствомъ Урицка-

---

*) Сброшенъ въ шахту за родство съ царствовавшей династіей, — другой причины не было.

го*). Чудомъ уцѣлѣли и попали за границу эти записки, съ которыми связано воспоминаніе о погибшихъ людяхъ.

Помнится, Михайловскій замѣтилъ, что только очень одинокіе люди могутъ вести дневники. Вѣрнѣе было бы сказать: очень одинокіе или очень несчастные. Марія Башкирцева, напримѣръ, ужъ никакъ не жила въ одиночествѣ. Но въ своей жизни она не насчитала ни одного дня безъ мученій. Почему? Она тоже спрашивала, почему.

Pourquoi, pourquoi dans ton œuvre céleste
Tant d'éléments si peu d'accord!

Я не буду говорить подробно о дневникѣ Леонида Каннегисера, во многихъ отношеніяхъ поистинѣ поразительномъ. Онъ началъ свои записи въ 1914 году, — первая помѣчена 29-мъ мая. Война застала его — въ Италіи — шестнадцатилѣтнимъ мальчикомъ. Ему страстно захотѣлось пойти на фронтъ добровольцемъ. Родители его не пустили. Какъ всѣхъ мальчиковъ, его тянуло на войну то, чего на войнѣ нѣтъ. Но было еще и нѣчто другое.

Привожу почти наудачу нѣсколько записей:

«У меня есть комната, кровать, обѣдъ, деньги, кофе, и никакой жалости къ тѣмъ, у которыхъ ихъ

*) Большевицкому слѣдствію этотъ дневникъ не далъ бы впрочемъ ничего. Онъ обрывается въ началѣ 1918 года и не касается вовсе террористической дѣятельности Каннегисера.

нѣтъ. Если меня убьютъ на войнѣ, то въ этомъ безусловно будетъ нѣкоторый высшій смыслъ...»

«Прервалъ писаніе, ходилъ по комнатѣ, думалъ и, кажется, въ тысячный разъ рѣшилъ: «иду!» Завтра утромъ, можетъ быть, проснувшись, подумаю: «вотъ вздоръ! Зачѣмъ же мнѣ итти: у насъ огромная армія». А вечеромъ опять буду перерѣшать. Потомъ пойду на компромиссъ: «лучше пойти санитаромъ». Такъ каждый день: колеблюсь, рѣшаю, отчаиваюсь — и ничего не дѣлаю.

Другіе, по крайней мѣрѣ, работаютъ на пользу раненыхъ. Я тоже былъ разъ на вокзалѣ. Одного раненаго пришлось отнести въ перевязочную. При мнѣ сняли повязку и я увидѣлъ на его ногѣ шрапнельную рану въ полъ-ладони величиною; все синее, изуродованное, изрытое человѣческое тѣло; капнула густо кровь. Докторъ сбрилъ вокругъ раны волосы. Фельдшерица готовила повязку. Двое студентовъ тихонько вышли. Одинъ подошелъ ко мнѣ, блѣдный, растерянно улыбаясь, и сказалъ: «не могу этого видѣть». Раненый стоналъ. И вдругъ онъ жалобно попросилъ: «пожалуйста, осторожнѣй». Я чувствовалъ содроганіе, показалось, что это ничего, и я продолжалъ смотрѣть на рану, однако не выдержалъ. Я почувствовалъ: у меня кружится голова, въ глазахъ темно, подступаетъ тошнота. Я-бъ, можетъ быть, упалъ, но собрался съ силами и вышелъ на воздухъ, пошатываясь, какъ пьяный.

И это можетъ грозить — мнѣ. Знать, что эта рана на «моей ногѣ»... И какъ вдругъ въ отвѣтъ на это въ душѣ подымается безудержно радостно - сладкое чувство: «мнѣ не грозитъ ничего», тогда я знаю: «я — подлецъ!»

«Сейчасъ мнѣ пришли въ голову стихи: «О, вѣщая душа моя... О, какъ ты бьешься на порогѣ как бы двойного бытія!..» Перелисталъ Тютчева, чтобы найти ихъ. И строки разныхъ стихотвореній какъ будто дѣлали мнѣ больно, попадая на глаза. Тамъ каждая строчка одушевленная и именно болью страшно заразительной. — Я не ставлю себѣ цѣлей внѣшнихъ. Мнѣ безразлично, быть ли римскимъ папой или чистильщикомъ сапогъ въ Калькуттѣ, — я не связываю съ этими положеніями опредѣленныхъ душевныхъ состояній, — но единая моя цѣль — вывести душу мою къ дивному просвѣтлѣнію, къ сладости неизъяснимой. Черезъ религію или черезъ ересь — не знаю».

«Я теперь самъ удивляюсь, какъ во мнѣ могла быть вѣра въ силу молитвы. «Попросите съ вѣрою, и дастся вамъ...» Это вноситъ путаницу въ религіозныя представленія... Это имѣетъ только одинъ смыслъ (если это не просто неисполнимое обѣщаніе, евангелическая демагогія...). Можно толковать еще такъ: «Съ вѣрою вы не станете просить о земныхъ благахъ (а если просите о нихъ, значитъ, безъ вѣры или съ малою), а только о царствіи небес-

номъ». Но, во-первыхъ, это не ясно, а такія неясности не могутъ быть случайными, т. е. опять демагогія. А, во-вторыхъ, здѣсь есть тогда небреженіе человѣческимъ сердцемъ, которое все создано такъ, что не можетъ не желать жаждущему — студеной струи. Пока въ мірѣ есть раны, мученія, смерть, священникъ всегда уступитъ дорогу хирургу. Мнѣ это въ полной мѣрѣ понятно только сейчасъ, когда я только что видѣлъ ужаснѣйшія мученія безконечно - дорогого человѣка. Потомъ я, можетъ быть, не обойду опять мнимо просвѣтленнаго убѣжденія, что страданія — благо, ибо облегчаютъ путь къ Царствію Небесному. Ларошфуко говоритъ: «La philosophie triomphe aisément des maux passés et des maux à venir, mais les maux présents triomphent de la philosophie». Это такъ же было бы вѣрно (и болѣе жестоко), если бы вмѣсто la philosophie подставить la religion; но Ларошфуко было не до нея».

Я ничего не комментирую. Всѣ дневники немного похожи другъ на друга, — даже Толстой и Аміель не составили исключенія. Со всѣми наивностями стиля и мысли, выдержки изъ дневника Леонида Каннегисера меня поражаютъ. Было бы напрасно искать въ нихъ логики. Рѣшеніе уйти на войну смѣняется рѣшеніемъ уйти въ монастырь; за страницами чистой метафизики приходятъ такія страницы, которыя жутко читать; восторгъ передъ памятниками Феррары, передъ картинами Веронеза смѣня-

ется восторгомъ передъ Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. И на каждой страницѣ дневника видны обнаженные нервы и слышно:

«Душа изъ тѣла рвется вонъ»...

Я съ нимъ познакомился въ домѣ его родителей на Саперномъ переулкѣ и тамъ часто его встрѣчалъ. Онъ захаживалъ иногда и ко мнѣ. Я не могъ не видѣть того, что было трагическаго въ его натурѣ. Но террориста ничто въ немъ не предвѣщало.

Одна характерная сцена осталась, впрочемъ, у меня въ памяти .Она относится къ веснѣ 1918 года. Мы долго играли съ нимъ въ шахматы. Я жилъ въ томъ домѣ на Надеждинской, гдѣ помѣщался книжный магазинъ «Петрополисъ». Этотъ своеобразный кооперативъ библіофиловъ скупалъ тогда книги у своихъ нуждающихся участниковъ, стараясь ихъ не обижать, и безъ выгоды перепродавалъ ихъ членамъ кооператива, болѣе обезпеченнымъ матеріально. Въ ту пору въ «Петрополисѣ» продавалась великолѣпная старинная библіотека князя Гагарина, состоявшая преимущественно изъ французскихъ книгъ 18-го и начала 19-го столѣтія. Я купилъ тамъ кое-что, и пріобрѣтенныя мною книги лежали у меня на столѣ въ кабинетѣ. Мой гость принялся ихъ перелистывать. Заговоривъ о книгахъ, я высказалъ предположеніе (непровѣренное мною и основанное только на ихъ характерѣ), что

библіотека эта принадлежала въ свое время тому самому князю Гагарину, которому приписывали — повидимому неосновательно — авторство анонимныхъ писемъ, бывшихъ причиной смерти Пушкина.

Леонидъ Акимовичъ измѣнился въ лицѣ и даже выронилъ на столъ книгу.

— Кѣмъ это надо было быть ,— сказалъ онъ, блѣднѣя, — чтобы написать такое письмо — о Пушкинѣ...

И замолчалъ. Затѣмъ, вдругъ, сталъ негромко декламировать стихи:

Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!
Для рукъ безсмертной Немезиды
Лемносскій богъ тебя сковалъ...

Онъ вообще читалъ плохо, какъ, кажется, всѣ русскіе поэты (за исключеніемъ изумительнаго чтеца И. А. Бунина): читалъ безъ всякаго выраженія, неестественно - однотонно, точно показывая, что никакая экспрессія, никакое искусство дикціи не могутъ ничего прибавить къ красотѣ самихъ стиховъ. Если не ошибаюсь, эту манеру чтенія ввелъ Александръ Блокъ. Но на этотъ разъ молодой человѣкъ читалъ иначе, чѣмъ всегда, — или мнѣ теперь такъ кажется?

— Замѣтьте, — сказалъ Каннегисеръ, оборвавъ чтеніе на первомъ четверостишіи, — замѣтьте,

здѣсь Пушкинъ сплоховалъ: въ этой строфѣ нельзя было рифмовать второй стихъ съ третьимъ. Если третью строчку поставить на мѣсто четвертой, выйдетъ гораздо сильнѣе... Сплоховалъ Пушкинъ, — повторилъ онъ, усмѣхнувшись. — Вотъ какъ я написалъ бы...

И онъ прочелъ четверостишіе въ своей редакціи. Его тонъ былъ забавенъ, — усмѣшка, разумѣется, ставила въ кавычки эту поправку къ Пушкину. Про себя я съ нимъ согласился: такъ дѣйствительно было сильнѣе*).

---

*) Вопросъ о томъ, «сплоховалъ» ли Пушкинъ оказывается, однако, довольно сложнымъ. Бѣловой автографъ «Кинжала» считался потеряннымъ; знаменитое стихотвореніе стало печататься въ Россіи лишь съ 1876 года — то по тексту «Полярной Звѣзды», то по черновому наброску, то по записной книжкѣ Полторацкаго. Теперь, въ первой книгѣ «Голоса Минувшаго» за 1923 годъ, М. А. Цявловскій опубликовалъ впервые бѣловую рукопись Пушкина, оказавшуюся въ бумагахъ Н. И. Тютчева. Въ этомъ текстѣ второй стихъ даетъ рифму не съ третьимъ, а съ четвертымъ (какъ и требовалъ Каннегисеръ), но зато третій и четвертый стихи (обычной редакціи) идутъ впереди первыхъ двухъ:

Лемносскій Богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды,
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!

Онъ помолчалъ, а затѣмъ прочелъ совершенно измѣнившимся голосомъ конецъ «Кинжала»:

О, юный праведникъ, избранникъ роковой,
О, Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ,
Но добродѣтели святой
Остался гласъ въ казненномъ прахѣ.
Твоей Германіи ты вѣчной тѣнью сталъ,
Грозя бѣдой преступной силѣ —
И на торжественной могилѣ
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

Какъ сейчасъ передъ собой, вижу его въ ту минуту. Онъ сидѣлъ въ глубокомъ креслѣ, опустивъ низко голову. Тонкое прекрасное лицо его совершенно преобразилось... Мнѣ жутко вспоминать теперь эти строфы «Кинжала» — въ чтеніи убійцы Урицкаго... Страшная вещь искусство! Не былъ ли Пушкинъ однимъ изъ виновниковъ гибели шефа Петербургской Чрезвычайной Комиссіи?

Помню, я обратилъ вниманіе молодого человѣка на необыкновенное техническое совершенство этихъ изумительныхъ строфъ, на рыдающій звукъ второго стиха («О, Зандъ»), состоящаго изъ краткихъ односложныхъ словъ, на эффектъ, достигнутый звукомъ а. Пушкинъ, не учившійся въ цехѣ поэтовъ, зналъ ухомъ всѣ фокусы современнаго стихосложенія. Андрэ Шенье, въ одѣ, по-

служившей образцомъ для «Кинжала», но превзойденной имъ, использовалъ сходный драматическій эффектъ, звукъ *ar*:

> Le poign*ard*, seul esp*oir* de la terre,
> Est ton *ar*me s*acr*ée...

Но молодой человѣкъ меня не слушалъ (хотя о поэзіи могъ говорить часами). Онъ принялся разспрашивать о Зандѣ. Не хочу сказать, будто я сталъ въ тотъ вечеръ что - то подозрѣвать. Тогда, вѣроятно, еще ничего и не было задумано.

Леонидъ Каннегисеръ не принималъ никакого участія въ политикѣ до весны 1918 года. Февральская революція его захватила, — кого же она не захватывала такъ недѣли двѣ или три?

Онъ былъ предсѣдателемъ «союза юнкеровъ-соціалистовъ». Не поручусь, — какъ это ни странно, — что онъ не увлекался и идеями революціи октябрьской. Ленинъ произвелъ на него, 25 октября, сильнѣйшее впечатлѣніе, — объ этомъ я говорилъ въ другомъ мѣстѣ.

Событія 1918 года, Брестъ-Литовскій миръ, скоро перемѣнили мысли Каннегисера. Изложеніе его политической эволюціи не входитъ въ мою задачу (да я этой эволюціи и не знаю), Но въ апрѣлѣ (или въ маѣ) 1918 года онъ уже ненавидѣлъ жгучей ненавистью большевиковъ и принималъ какое то

участіе въ конспиративной работѣ по ихъ сверженію. Гибель друга (Перельцвейга) сдѣлала его террористомъ.

. . . .
. . . .
. . . .

IV.

Le président du tribunal. Qui vous a inspiré tant de haine?

Charlotte Corday. Je n'avais pas besoin de la haine des autres. J'avais assez de la mienne*).

Допросъ Шарлотты Кордэ на судѣ.

Недолгій и сложный процессъ, который въ дни, предшествовавшіе драмѣ, разорвалъ душу убійцы Урицкаго, мнѣ не ясенъ. Почему выборъ Каннегисера остановился на Урицкомъ? Не знаю. Его убій-

---

*) Предсѣдатель суда. Кто внушилъ вамъ столько ненависти?

Шарлотта Кордэ. Мнѣ чужой ненависти не требовалось, у меня было достаточно своей.

ство нельзя оправдать даже съ точки зрѣнія завзятаго сторонника террора.

Сообщниковъ у Каннегисера, повидимому, не было. Большевицкому слѣдствію не удалось ихъ обнаружить, несмотря на чрезвычайное желаніе властей. Въ оффиціальномъ документѣ объ этомъ сказано:

«При допросѣ Леонидъ Каннегисеръ заявилъ, что онъ убилъ Урицкаго не по постановленію партіи или какой либо организаціи, а по собственному побужденію, желая отомстить за аресты*) офицеровъ и за разстрѣлъ своего друга Перельцвейга, съ которымъ онъ былъ знакомъ около 10 лѣтъ. Изъ опроса арестованныхъ и свидѣтелей по этому дѣлу выяснилось, что разстрѣлъ Перельцвейга сильно подѣйствовалъ на Леонида Каннегисера. Послѣ опубликованія этого разстрѣла онъ уѣхалъ изъ дому на нѣсколько дней — мѣсто его пребыванія за эти дни установить не удалось».

По признанію слѣдствія, «точно установить путемъ прямыхъ доказательствъ, что убійство тов. Урицкаго было организовано контр-революціонной организаціей, не удалось»**). Слѣдствіе, однако, осталось при мысли, что такая организація была, — и кивало, какъ водится, въ сторону «им-

*) За «аресты»!..

**) И. Антиповъ. «Очерки изъ дѣятельности Петроградской Чрезвычайной Комиссіи». «Петрогр. Правда».

періалистовъ Антанты» *). У Антанты были тогда — лѣтомъ 1918 года — другія занятія. Ллойдъ-Джорджа и вообще трудно себѣ представить въ роли вдохновителя политическихъ убійствъ. Его представитель въ Россіи не унаслѣдовалъ террористическихъ воззрѣній своего предка, знаменитаго Джорджа Бьюкэнэна, монархомаха 16-го столѣтія. Что до Клемансо, то онъ, хотя и едва-ли можетъ быть причисленъ къ принципіальнымъ противникамъ террора, организаціей покушеній на русскихъ чекистовъ, конечно, не занимался.

Я склоненъ думать, что показанія Леонида Каннегисера на допросѣ соотвѣтствуютъ правдѣ. Убійство Урицкаго было его единоличнымъ дѣломъ. Никакая организація, — ни та, въ которой онъ состоялъ вмѣстѣ съ Перельцвейгомъ, ни какая бы то ни было другая — не поручали ему убивать шефа Петербургской Чрезвычайной Комиссіи. Непосредственной причиной его поступка, вѣроятно, и въ самомъ дѣлѣ было желаніе отомстить за погибшаго друга (только этимъ еще и можно объяснить выборъ Урицкаго). Психологическая же основа была, конечно, очень сложная. Думаю, что состояла она

*) Въ совѣтскихъ кругахъ высказывалось даже такое нелѣпое предположеніе, будто, спасаясь послѣ убійства, Каннегисеръ ѣхалъ на велосипедѣ по Милліонной — къ англійскому посольству, гдѣ хотѣлъ найти убѣжище.

изъ самыхъ лучшихъ, самыхъ возвышенныхъ чувствъ. Многое туда входило: и горячая любовь къ Россіи, заполняющая его дневники; и ненависть къ ея поработителямъ; и чувство еврея, желавшаго передъ русскимъ народомъ, передъ исторіей противопоставить свое имя именамъ Урицкихъ и Зиновьевыхъ; и духъ самопожертвованія — все то же «на войнѣ вѣдь не былъ»; и жажда острыхъ мучительныхъ ощущеній — онъ былъ рожденъ, чтобы стать героемъ Достовскаго; и всего больше, думаю, жажда «всеочищающаго огня страданья», — нѣтъ, не выдумано поэтами чувство, которое прикрываетъ эта звонкая риторическая фигура.

Сообщниковъ, повторяю, у него, вѣроятно, не было, но живой образецъ, возможно, и былъ. Онъ преклонялся передъ личностью Г. А. Лопатина и, думается мнѣ, ставилъ его себѣ примѣромъ, — примѣръ далеко не плохой. Германъ Александровичъ, конечно, не принималъ никакого участія въ ихъ кружкѣ: онъ въ тотъ послѣдній годъ своей жизни уже былъ неспособенъ ни къ какой работѣ; да и чувствовалъ бы онъ себя среди этихъ заговорщиковъ приблизительно такъ, какъ чувствовалъ себя Ахиллъ, переодѣтый дѣвочкой, среди дочерей царя Ликомеда. Но Лопатинъ, сохранившій до конца дней свой бурный темпераментъ, не стѣснялся въ выраженіяхъ, когда говорилъ о большевикахъ и о способахъ борьбы съ ними. Помню это и по своимъ раз-

говорамъ съ покойнымъ Германомъ Александровичемъ. Знаю еще слѣдующее.

Въ тотъ самый день, когда мать Леонида Каннегисера была выпущена изъ тюрьмы, ей по телефону сообщили изъ больницы, что Германъ Лопатинъ умираетъ и желалъ бы ее видѣть. Р. Л. Каннегисеръ немедленно отправилась въ Петропавловскую больницу. Германъ Алксандровичъ, бывшій въ полномъ сознаніи, сказалъ Р. Л., что счастливъ увидѣть ее передъ смертью.

— Я думалъ, вы на меня сердитесь...

— За что?

— За гибель вашего сына.

— Чѣмъ же вы въ ней виноваты?

Онъ промолчалъ, — не сказалъ больше ничего. Лопатинъ скончался черезъ нѣсколько часовъ.

Едва ли онъ имѣлъ основанія обвинять себя въ чемъ-либо, кромѣ страстныхъ словъ, которыя у него могли сорваться въ разговорѣ съ Леонидомъ Каннегисеромъ; онъ очень любилъ молодого человѣка.

Въ томъ же документѣ оффиціальнаго происхожденія говорится еще слѣдующее:

«Установить точно, когда было рѣшено убить тов. Урицкаго, Чрезвычайной Комиссіи не удалось, но о томъ, что на него готовилось покушеніе, зналъ самъ т. Урицкій. Его неоднократно предупреждали, и опредѣленно указывали на Каннегисера, но т.

Урицкій слишкомъ скептически относился къ этому. О Каннегисерѣ онъ зналъ хорошо, по той развѣдкѣ, которая находилась въ его распоряженіи».

Вотъ поистинѣ поразительное утвержденіе. Оно совершенно невѣроятно. Если Урицкаго предупреждали о готовящемся покушеніи съ указаніемъ имени террориста, значитъ, надо дѣйствительно предположить, что убійство было дѣломъ какой-то организаціи и что въ организацію эту входилъ (или, по крайней мѣрѣ, имѣлъ къ ней отношеніе) агентъ Чрезвычайной Комиссіи. Но это противорѣчитъ приведеннымъ раньше словамъ той же освѣдомленной сводки: «точно установить... не удалось». Притомъ, какія основанія могли быть у Урицкаго скептически относиться къ предупрежденію? И почему же онъ не велѣлъ заблаговременно арестовать Каннегисера? Выслѣдить его было очень нетрудно: онъ большую часть дня проводилъ дома, въ квартирѣ своего отца, извѣстнаго всему Петербургу.

И тѣмъ не менѣе есть въ этомъ утвержденіи что-то загадочное и жуткое. Урицкій хорошо зналъ о Каннегисерѣ?.. Со страннымъ чувствомъ я читаю это мѣсто въ полицейской сводкѣ г. Антипова.

Вотъ что я слышалъ не такъ давно. За нѣсколько времени до убійства, Каннегисеръ съ усмѣшкой сказалъ одному своему знакомому:

— NN., знаете, съ кѣмъ я говорилъ сегодня по телефону?

— Съ кѣмъ?

— Съ Урицкимъ*).

Больше ничего. NN. въ ту пору не обратилъ вниманія на сообщеніе молодого человѣка. Мало ли для чего петербуржецъ могъ тогда звонить по телефону въ Чрезвычайную Комиссію! NN, какъ и я, пишущій эти строки, узналъ объ убійствѣ Урицкаго, находясь внѣ Петербурга, изъ газетъ, и былъ пораженъ такъ же, какъ и я. Тогда-то онъ и вспомнилъ загадочное замѣчаніе Каннегисера...

Въ самомъ дѣлѣ, мало ли для чего можно было звонить по телефону къ Урицкому?.. И все-таки это очень странно. Для простой справки или для ходатайства обыкновенному, никому неизвѣстному петербуржцу едва ли можно было — даже въ то время — вызвать къ аппарату самого начальника Чрезвычайной Комиссіи. Во всякомъ случаѣ надо было себя назвать. Или Каннегисеръ прикрылся вымышленнымъ именемъ? Но почему Урицкій подошелъ къ телефону на вызовъ незнакомаго человѣка? И зачѣмъ это было нужно? И что же именно сказалъ Народному Комиссару его будущій убійца?

*) NN. не могъ вспомнить, было ли это сказано послѣ казни Перельцвейга и его товарищей или до нея.

Но могу понять — и ни минуты не сомнѣваюсь въ вѣрности сообщенія NN. Не сомнѣваюсь, ибо я зналъ Леонида Каннегисера. Это былъ его с т и л ь... Нѣтъ, стиль — неподходящее выраженіе. Но я чувствую, что независимо отъ возможнаго дѣла (что еще такое онъ могъ придумать!) ему нужно было, ему психологически было необходимо это жуткое, страшное ощущеніе. Зачѣмъ Раскольниковъ послѣ убійства ходилъ с л у ш а т ь з в о н о к ъ въ квартирѣ Алены Ивановны?.. Зачѣмъ Шарлотта Кордэ до убійства д о л г о р а з г о в а р и в а л а съ Маратомъ?..

Я уѣхалъ изъ Петербурга еще до ареста Перельцвейга. Въ послѣдній разъ я видѣлъ Леонида Акимовича въ іюлѣ 1918 года, въ квартирѣ его родителей на Саперномъ. Онъ былъ оживленъ и веселъ. Я совѣтовалъ его отцу отправить молодого человѣка куда-нибудь на югъ: Петербургъ гиблое мѣсто...

Послѣ потрясшей его казни товарищей, онъ больше дома не ночевалъ. Тогда почти половина столицы старалась ночевать внѣ дома (аресты почему-то производились ночью). Родные Леонида Каннегисера ничего не подозрѣвали и ни о чемъ его не спрашивали. Онъ самъ ничего о себѣ не говорилъ.

16-го (29) августа (наканунѣ убійства Урицкаго) онъ пришелъ домой, какъ всегда, подъ вечеръ. По-

слѣ обѣда онъ предложилъ сестрѣ почитать ей вслухъ, — у нихъ это было въ обычаѣ. До того они читали одну изъ книгъ Шницлера, и она еще не была кончена. Но на этотъ разъ у него было припасено другое: недавно пріобрѣтенное у букиниста французское многотомное изданіе «Графа Монте-Кристо». Несмотря на протесты, онъ сталъ читать изъ середины. Случайность — или такъ онъ подобралъ страницы? Это была глава о политическомъ убійствѣ, которое совершилъ въ молодости старый бонапартистъ, дѣдъ одной изъ героинь знаменитаго романа.

Онъ читалъ съ увлеченіемъ до полуночи. Затѣмъ простился съ сестрой. Ей суждено было еще разъ увидѣть его издали, изъ окна ея камеры на Гороховой: его вели подъ конвоемъ на допросъ.

Ночевалъ онъ, какъ всегда, внѣ дома. Но рано утромъ снова пришелъ на квартиру родителей пить чай. Часовъ въ девять онъ постучалъ въ комнату отца, который былъ нездоровъ и не работалъ. Несмотря на неподходящій ранній часъ, онъ предложилъ сыграть въ шахматы. Отецъ согласился, — онъ ни въ чемъ не отказывалъ сыну.

Повидимому, съ исходомъ этой партіи Леонидъ Каннегисеръ связывалъ что-то другое: успѣхъ своего дѣла? удачу бѣгства? За часъ до убійства молодой человѣкъ игралъ напряженно и очень старался выиграть. Партію онъ проигралъ, и это чрез-

вычайно его взволновало. Огорченный своимъ успѣхомъ отецъ предложилъ вторую партію. Юноша посмотрѣлъ на часы и отказался.

Онъ простился съ отцомъ (они больше никогда не видѣли другъ друга) и поспѣшно вышелъ изъ комнаты. На немъ была спортивная кожаная тужурка военнаго образца, которую онъ носилъ юнкеромъ и въ которой я его часто видѣлъ. Выйдя изъ дому, онъ сѣлъ на велосипедъ и поѣхалъ по направленію къ площади Зимняго Дворца. Передъ Министерствомъ Иностранныхъ Дѣлъ онъ остановился: въ этомъ зданіи принималъ Урицкій, вѣдавшій и внѣшней политикой Сѣверной Коммуны.

Было двадцать минутъ одиннадцатаго.

V*)

Смерть не была приглашена...

Изъ старой легенды.

Онъ вошелъ въ подъѣздъ, находящійся посрединѣ той половины полукруглаго дворца Росси, которая идетъ отъ Арки къ Миллiонной улицѣ. Урицкій

*) Нѣкоторыя подробности разсказа настоящей главы дошли до меня изъ совершенно достовѣрнаго, связаннаго съ правящими совѣтскими кругами, источника, который я не имѣю возможности назвать.

всегда являлся въ Министерство съ этого подъѣзда. Какимъ образомъ узналъ это Каннегисеръ? Или онъ въ предыдущіе дни слѣдилъ за Народнымъ Комиссаромъ? Допускаю, впрочемъ, и то, что онъ могъ просто спросить у перваго попавшагося служащаго, въ которомъ часу, какъ, съ какого подъѣзда входитъ тов. Урицкій: рискъ такого разспроса, жажда остраго ощущенія — «заподозрятъ? арестуютъ? — спросить надо равнодушно, Боже упаси поблѣднѣть», — были въ его натурѣ, все равно, какъ звонокъ по телефону къ Урицкому.

Въ большой, выходящей прямо на улицу комнатѣ, гдѣ свершилось убійство, противъ входной двери находится лѣстница и рѣшетка подъемной машины. Деревянный жесткій диванъ, нѣсколько стульевъ и вѣшалки для верхняго платья по выбѣленнымъ стѣнамъ —вотъ убранство этой комнаты, выдѣляющейся своимъ жалкимъ видомъ въ великолѣпномъ дворцѣ Министерства. Въ ней постоянно находился швейцаръ, который прослужилъ въ этой должности около четверти вѣка. Этотъ старикъ, обалдѣвшій отъ новыхъ порядковъ, какъ большая часть прислуги императорскихъ дворцовъ, называлъ Урицкаго «Ваше Высокопревосходительство».

— Товарищъ Урицкій принимаетъ? — спросилъ Каннегисеръ.

— Еще не прибыли...

Онъ отошелъ къ окну, выходящему на площадь,

и сѣлъ на подоконникъ. Онъ снялъ фуражку и положилъ ее рядомъ съ собой. Онъ долго глядѣлъ въ окно.

О чемъ онъ думалъ? О томъ ли, что еще не поздно отказаться отъ страшнаго дѣла, — еще можно вернуться на Саперный, пить чай съ сестрой, отыграться въ шахматы у отца или продолжать чтеніе «Монтекристо»? О томъ, что жизни осталось нѣсколько минутъ, что онъ больше не увидитъ этого солнца, этой площади, этого Растрелліевскаго дворца?.. О томъ, не пора ли взвести на «fire» предохранитель револьвера? О томъ, что швейцаръ странно косится и, вѣроятно, уже подозрѣваетъ?.. — Его ощущенія въ тѣ минуты могъ бы передать Достоевскій, столь имъ любимый...

Онъ ждалъ. Люди проходили по площади. Сердце стучало. Въ двадцать минутъ прошла слишкомъ короткая вѣчность. Вдали, наконецъ, послышался мягкій, страшный, приближающійся грохотъ, означавшій конецъ.

Царскій автомобиль замедлилъ ходъ и остановился у подъѣзда.

Урицкій пріѣхалъ со своей частной квартиры на Васильевскомъ Островѣ.

Сколько смертныхъ приговоровъ онъ долженъ былъ подписать въ этотъ роковой день?

Другой приговоръ былъ уже составленъ.

«Смерть не была приглашена».

Она явилась безъ приглашенія.

Молодой человѣкъ въ кожаной тужуркѣ уже вставалъ съ подоконника, опустивъ руку въ карманъ...

Шефъ Чрезвычайной Комиссіи вошелъ въ дверь и направился къ подъемной машинѣ.

Посѣтитель поспѣшно сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ его направленіи.

Встрѣтились ли ихъ глаза? Прочелъ ли Урицкій: смерть?

Грянулъ выстрѣлъ. Народный Комиссаръ свалился безъ крика, убитый наповалъ. Убійца стрѣлялъ на ходу съ шести или семи шаговъ въ быстро идущаго человѣка. Только вѣрная рука опытнаго стрѣлка могла такъ направить пулю, — если не ошибаюсь, Каннегисеръ совершенно не умѣлъ стрѣлять.

По близости въ это время не было никого*).

Убійца бросился къ выходу

Если бы онъ надѣлъ шапку, положилъ револьверъ въ карманъ и спокойно пошелъ пѣшкомъ налѣво, онъ, вѣроятно, легко бы скрылся, свернувъ подъ аркой на Морскую и замѣшавшись въ толпу Невскаго проспекта. Погоня началась только че-

---

*) Швейцаръ, должно быть, раскрывалъ передъ «Его Высокопревосходительствомъ» дверь подъемной машины. Кабинетъ Урицкаго находился въ третьемъ этажѣ.

резъ двѣ или три минуты. Этого было совершенно достаточно, чтобы пройти по площади до арки. Но онъ не могъ итти спокойно. Конечно, онъ потерялъ въ ту минуту самообладаніе. Тысячу разъ, должно быть, онъ по ночамъ представлялъ себѣ, какъ это будетъ. Это вышло не такъ... Это всегда выходитъ не такъ...

Безъ фуражки, оставленной на подоконникѣ, не выпуская изъ рукъ револьвера, онъ выбѣжалъ на улицу, вскочилъ на велосипедъ и понесся вправо — къ Миллiонной.

Въ комнатѣ, гдѣ произошло историческое убійство, черезъ минуту поднялась суматоха. Выстрѣлъ услышали на первомъ этажѣ служащіе Народнаго Комиссаріата. Нѣсколько человѣкъ сбѣжало по лѣстницѣ и остановилось въ остолбенѣніи передъ мертвымъ тѣломъ Урицкаго. Еще неясно понимая, что произошло, они подняли комиссара и перенесли его на деревянный диванъ у стѣны.

Человѣкъ, который первый вспомнилъ объ убійцѣ и кинулся за нимъ вдогонку, не былъ обыкновенный полицейскій. Это былъ любопытный субъектъ, фанатически преданный революціи, бѣдный, неграмотный, безкорыстный, — залитый уже въ ту пору кровью съ ногъ до головы. Ему мѣсто въ художественной литературѣ. Онъ еще ждетъ автора «Петлистыхъ ушей». Съ крикомъ бросился онъ на улицу. Другіе побѣжали за нимъ. Легко было

узнать, куда ѣхать: юноша, мчащійся на велосипедѣ, безъ шапки, съ револьверомъ въ рукѣ, не могъ остаться незамѣченнымъ на малолюдной площади Зимняго Дворца.

Автомобиль со страшной быстротой понесся въ погоню.

На велосипедѣ, къ убійцѣ, повидимому, вернулось самообладаніе. Очевидцы говорили, будто онъ ѣхалъ по улицамъ зигзагами, — желая избѣжать пули въ спину.

Услышавъ позади себя гулъ мчащагося автомобиля, онъ понялъ, что погибаетъ.

Около дома № 17 по лѣвой сторонѣ, уже совсѣмъ недалеко отъ Мраморнаго дворца, онъ затормозилъ велосипедъ, соскочилъ и бросился во дворъ.

Огромная усадьба Англійскаго Клуба выходитъ, какъ всѣ дома этой стороны Милліонной, на Набережную Невы.

Если бы во дворѣ проходныя ворота были открыты, убійца еще могъ бы спастись.

Судьба была противъ него:

Ворота были заперты.

Въ отчаяніи онъ вбѣжалъ въ дверь въ правой половинѣ дома и быстро сталъ подниматься по черной лѣстницѣ. Во второмъ этажѣ дверь квартиры князя Меликова была открыта. Онъ бросился въ

нее, пробѣжалъ черезъ кухню и нѣсколько комнатъ, передъ обомлѣвшей прислугой въ передней накинулъ на себя сорванное съ вѣшалки чужое пальто, отворилъ выходную дверь и спустился по парадной лѣстницѣ. *).

Его схватили внизу. Кто призналъ въ немъ убійцу, не знаю, — я слышалъ разныя версіи. Онъ почти не защищался, во всякомъ случаѣ не стрѣлялъ. Спастись было, конечно, невозможно: у воротъ дома, во дворѣ, уже собралась толпа, какъ всегда, враждебная, жестокая къ арестуемымъ, кто бы они ни были, кто бы ни были арестующіе. Онъ могъ покончить съ собой, — зачѣмъ онъ этого не сдѣлалъ?..

Убійца Урицкаго былъ во власти Чрезвычайной Комиссіи.

---

*) Я могу ошибиться въ деталяхъ. Будущій Ленотръ русской революціи, если ему будутъ доступны, кромѣ тѣхъ разсказовъ, которыми пользовался я, свидѣтельскія показанія очевидцевъ, собранныя въ архивѣ Чрезвычайной Комиссіи, сумѣетъ болѣе точно и подробно возстановить это страшное дѣйствіе драмы, разыгравшейся въ нѣсколько минутъ въ усадьбѣ Англійскаго Клуба. — Сказаннаго мною достаточно, чтобы оцѣнить замѣчательное самообладаніе двадцатилѣтняго террориста.

VI.

Злодѣй сохранилъ совершенное хладнокровіе. Онъ похвалялся своимъ преступленіемъ, утверждая, что отомстилъ за погибшихъ друзей. Попытки правосудія вырвать у Анкастрема имена его сообщниковъ, несмотря на усилія палачей, не увѣнчались успѣхомъ. Адское спокойствіе сохранилъ преступникъ и на эшафотѣ. Онъ говорилъ, что умираетъ за Швецію...

Въ ночь вслѣдъ за казнью неизвѣстные люди тайно проникли къ тому мѣсту, гдѣ было выставлено тѣло Анкастрема, и засыпали цвѣтами и лаврами позорные останки цареубійцы. Слѣдствію не удалось обнаружить виновныхъ.

Дѣло объ убійствѣ короля Густава III.

Я ничего не могу прибавить къ эпиграфу настоящей главы...

Что поддерживало этого юношу, этого мальчика, въ тѣхъ нечеловѣческихъ страданіяхъ, которыя выпали ему на долю? Не знаю. Хочу понять — и не могу.

Бурная душа Іоанна Анкастрема прошла закалъ страстей и испытаній. Равальякъ, Дамьенъ твердо знали, что за муками земной смерти ихъ ждетъ вѣч-

ное блаженство, купленное тяжкой цѣной. У эшафота Карла Занда, воздвигнутаго на лугу, который до сихъ поръ зовется «Karl Sand's Himmelfahrtswiese», толпились десятки тысячъ людей, смотрѣвшихъ на него, какъ на народнаго героя Германіи, жаждавшихъ омочить платки въ крови святого мученика. Русскіе террористы царскаго періода, умиравшіе безъ публики на дворѣ Шлиссельбургской крѣпости, были по крайней мѣрѣ увѣрены, что за ихъ дѣйствія пострадаютъ лишь они одни, а не ихъ дѣти, не ихъ жены, не ихъ отцы. У Леонида Каннегисера не было и этого утѣшенія. Онъ зналъ, что нѣжно любимые имъ близкіе арестованы. Имѣя дѣло съ большевиками, онъ могъ до конца думать, что казнь ждетъ всю семью. Она и въ самомъ дѣлѣ спаслась чудомъ: Петербургъ въ тѣ дни заливался потоками крови. «Революціонный терроръ» ставилъ себѣ очевидной цѣлью навести ужасъ и оградить отъ новыхъ покушеній жизнь Зиновьевыхъ, — что же было «цѣлесообразнѣе», чѣмъ разстрѣливать семьи политическихъ террористовъ!

Онъ могъ знать и то, что на него обращены слѣпыя проклятія ни въ чемъ неповинныхъ людей, которыхъ убивали въ качествѣ заложниковъ — за его поступокъ. Вмѣсто Урицкаго расправу творилъ Бокій, въ десять разъ превзошедшій своего предшественника и начальника.

Объ участи Леонида Каннегисера я говорить не стану. Черными словами о ней сказано въ трехтомномъ «дѣлѣ объ убійствѣ Урицкаго». Увидитъ ли когда-нибудь свѣтъ это дѣло?..

Онъ велъ себя и умеръ — какъ герой.

Вся короткая его жизнь прошла въ поискахъ мучительныхъ ощущеній. Эту чашу онъ осушилъ до дна, и я не знаю, кому еще была отпущена судьбой такая чаша. Онъ пилъ ее долгія недѣли безъ утѣшенія вѣры, безъ торжества побѣды надъ смертью передъ многотысячными толпами зрителей, безъ «Слышу!» Тараса Бульбы. Никто не слышалъ. Никто не слушалъ. Гдѣ безвѣстная его могила? Воздвигнетъ ли памятникъ надъ ней Россія? На той ступени отчужденности отъ міра, до которой, думаю, онъ возвысился въ свои послѣдніе дни, это, вѣроятно, уже не имѣло значенія. Т а м ъ должно открываться другое:

Счастливъ, кто падаетъ внизъ головой:
Міръ для него, хоть на мигъ, да иной...

М. Алдановъ.

Въ 1914 году, лѣтомъ, по Италіи путешествовалъ молодой человѣкъ.

Онъ только что кончилъ гимназію — это было его первое самостоятельное путешествіе. Ему было семнадцать лѣтъ, онъ былъ очень красивъ — черноглазый, стройный, высокій, — свободенъ отъ всякихъ заботъ, вполнѣ обезпеченъ денежно. Все у него было — молодость, Италія, въ которую онъ былъ влюбленъ съ дѣтства, деньги, которыя можно тратить, не считая, время, которымъ можно распоряжаться, какъ угодно. Вздумалось — и завтра же можно уѣхать: ну, хоть въ Норвегію, или, напротивъ, остаться на мѣсяцъ, на годъ, на два въ этомъ, чуть старомодномъ, уютномъ пансіонѣ, въ бѣлой высокой комнатѣ, гдѣ ползучія розы заплели широкое окно, и сквозь нихъ блаженно синѣетъ Неаполитанскій заливъ... Молодость, свобода, Италія —

женщины въ него наперебой влюбляются, каждый день въ пансіонъ, гдѣ онъ живетъ, присылаются цвѣты или раздушенныя записки, адресованныя «красивому русскому синьору». Молодость, Италія, свобода — вся жизнь впереди, все ему улыбается... Рай, не правда-ли? Онъ самъ согласенъ — рай. Но...

Но отчего же мнѣ такъ больно
Въ моемъ счастливѣйшемъ раю?

спрашиваетъ онъ, самъ недоумѣвая.

Отчего, зачѣмъ, въ самомъ дѣлѣ?

Да, — молодость, красота, Италія, вся жизнь впереди, все ему улыбается. Но:

Зачѣмъ же грузъ необъяснимый,
На сердцѣ дрогнувшемъ моемъ?

Эти жалобы семнадцатилѣтняго «баловня судьбы», эти горькіе «зачѣмъ» и «отчего» не пустыя слова, не «поэтическіе образы». Леонидъ Каннегисеръ тамъ же, въ Италіи, въ своей бѣлой комнатѣ въ розахъ — ведетъ дневникъ. И въ каждой строкѣ этого дневника — то же самое: Зачѣмъ? Отчего?

... У меня есть комната, обѣдъ, книги и полное отсутствіе жалости къ тому, у кого ихъ нѣтъ.

Сказано это не точно. Точнѣе было бы: «И отравляющая жизнь жалость къ тому, у кого ихъ нѣтъ»...

Италія, молодость, свобода — «рай». Но въ раю «больно», и на сердцѣ — «необъяснимый грузъ».

Зачѣмъ же грузъ необъяснимый,
На сердцѣ дрогнувшемъ моемъ?

Въ одной строкѣ вопросъ, въ слѣдующей — отвѣтъ:

«На сердцѣ дрогнувшемъ»... Да, жизнь «улыбается» этому семнадцатилѣтнему мальчику, да, кругомъ него «рай». Но сердце у него «дрогнувшее», и ни въ какомъ раю, самомъ «блаженнѣйшемъ», не находитъ и не найдетъ оно покоя.

Дѣтскіе стихи Леонида Каннегисера странно перекликаются съ дѣтскими стихами Лермонтова. Помните:

Я рано началъ, кончу ранѣ,
Мой путь немногое свершитъ.
Въ моей груди, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.

И странно перекликаются образы, которые они вызываютъ: Лермонтовъ «съ свинцомъ въ груди», покрытый шинелью, подъ проливнымъ дождемъ. Каннегисеръ съ пулей въ затылкѣ, въ подвалѣ Че-Ка.

Два «дрогнувшихъ сердца» — нашедшихъ, наконецъ, покой...

**
*

Въ «Бродячей Собакѣ», часа въ четыре утра, меня познакомили съ молодымъ человѣкомъ, высокимъ, стройнымъ, черноглазымъ. Точнѣе — съ мальчикомъ. Леониду Каннегисеру врядъ-ли было тогда больше семнадцати лѣтъ.

Но видъ у него былъ вполнѣ взрослый — увѣренныя манеры, высокій ростъ, щегольской фракъ. — «Поэтъ Леонидъ Каннегисеръ», — назвалъ его, рекомендуя, знакомившій насъ. Каннегисеръ улыбнулся.

— Ну, какой тамъ поэтъ. Я не придаю своимъ стихамъ значенія.

— Почему-же?

— Я знаю, что не добьюсь въ поэзіи ничего великаго, исключительнаго.

— Ну... Во-первыхъ, «плохъ тотъ солдатъ»... а потомъ, не всѣмъ же быть Дантами. Стать просто хорошимъ поэтомъ...

— Ахъ, нѣтъ. Скучно и не къ чему.

— Такъ что ваша программа — побѣдить или умереть, — пошутилъ я.

Онъ улыбнулся однѣми губами, — глаза смотрѣли такъ-же серьезно.

— Вродѣ этого...

— Только поприще для совершенія подвига еще не выбрано?

Онъ снова улыбнулся. На этотъ разъ широкой улыбкой, всѣмъ лицомъ. Семнадцатилѣтнiй мальчикъ сразу проступилъ сквозь фракъ и взрослую манеру держаться.

— Не выбрано!

... Подъ сводами подвала плавалъ табачный дымъ. Звенѣли стаканы, зеленѣли лица въ яркомъ электрическомъ свѣтѣ. Какая-то женщина танцовала на столѣ, безтолковая музыка прерывалась и вновь гремѣла. Мы сидѣли въ углу, пили то черный кофе, то рислингъ, то снова кофе. Въ головѣ слегка шумѣло. Я слушалъ моего новаго знакомаго. Должно быть, отъ выпитаго вина, онъ разошелся и говорилъ безъ конца. Я слушалъ съ сочувственнымъ удивленiемъ: такую страстную романтическую путаницу «о доблестяхъ, о подвигѣ, о славѣ», стѣны «Бродячей Собаки», вѣроятно, слышали впервые...

... Когда я попалъ къ Каннегисеру въ гости, мнѣ пришлось удивиться снова.

«У меня соберутся нѣсколько друзей», — писалъ онъ мнѣ въ пригласительной запискѣ. И я живо вообразилъ себѣ — и этихъ друзей, такъ же возвышенно и романтически настроенныхъ, какъ мой ночной собесѣдникъ, и комнату, гдѣ они собираются и толкуютъ объ «идеалахъ», неярко освѣщенную, полную ученыхъ книгъ, съ портретами какихъ-

нибудь «вождей». Горячіе разговоры, раскраснѣвшіяся лица, окурки, чай съ лимономъ — словомъ:

До утра мы въ комнатѣ споримъ,
На разсвѣтѣ одинъ изъ насъ
Выступаетъ къ розовымъ зорямъ,
Золотой привѣтствовать часъ...

Представилъ и, несмотря на всю симпатію, внушенную мнѣ Каннегисеромъ, — мнѣ стало заранѣе скучновато. Но все-таки, я пошелъ.

... Въ обвѣшанной шелками и уставленной «булями» гостиной щебетало человѣкъ двадцать пять. Лакей разносилъ чай и изящныя сладости, копенгагенскія лампы испускали голубоватый свѣтъ, и за роялемъ безголосый соловей петербургскихъ эстетовъ, Кузминъ, — захлебывался:

... Если бы ты былъ небесный ангелъ,
Вмѣсто смокинга носилъ бы ты орарь..

Половину гостей я зналъ. Другая — по своему виду не оставляла сомнѣнія въ томъ, что она изъ себя представляетъ: увлекающіяся Далькрозомъ дѣвицы, дымящія египетскими папиросами изъ купленныхъ у Треймана эмалированныхъ мундштуковъ. Молодые люди съ зализанными проборами и въ лакированныхъ туфляхъ, пишущіе стихи или

сочиняющіе сонаты. Общество достаточно опредѣленное и достаточно пустое.

Но мой ночной романтикъ? При чемъ онъ тутъ?

Онъ плавалъ, казалось, какъ рыба въ водѣ, въ этой элегантной гостиной. Костюмъ его былъ утрированно-изященъ, разговоръ томно-жеманенъ. Онъ ничѣмъ — если не считать красоты — не отличался отъ остальныхъ: эстетическій петербургскій юноша...

Намъ философіи не надо.
И глупыхъ ссоръ.
Пусть будетъ жизнь одна отрада,
И милый вздоръ...

Оборачиваясь на публику и поблескивая поощряюще своими странными глазами изъ-подъ пенснэ, ворковалъ Кузминъ.

Я подошелъ и взялъ апплодировавшаго Каннегисера за локоть.

— Вотъ ужъ не думалъ, что вамъ это можетъ нравиться.

— Какъ? Вамъ не нравится пѣніе Михаила Алексѣевича?

— Мнѣ то нравится. Но съ вашими взглядами на жизнь этотъ «милый вздоръ» какъ будто не вполнѣ совпадаетъ...

— Напротивъ, — онъ насмѣшливо раскланялся, — вполнѣ совпадаетъ. Не обижайтесь на меня, — тогда, въ «Собакѣ», я просто васъ мистифицировалъ. Какіе тамъ подвиги...

И онъ запѣлъ, подражая Кузьмину:

Дважды два четыре,
Два да три пять,
Вотъ и все, что мы можемъ,
Что мы можемъ знать...

Вернисcажи, маскарады, эстетическіе чаи разныхъ артистическихъ дамъ, этотъ ночной подвалъ, гдѣ мы встрѣтились, куда каждую полночь собираются скучать до утра разные изящные бездѣльники, на стѣнкахъ котораго рукой ихъ излюбленнаго поэта, наряженнаго, надушеннаго, накрашеннаго Кузмина, выведено:

Здѣсь цѣпи многія развязаны,
Все сохранитъ подземный залъ,
И тѣ слова, что ночью сказаны,
Другой бы утромъ не сказалъ.

Не сказалъ бы? Можетъ быть. Но «не сказалъ» — не значитъ — забылъ. О, нѣтъ. «Такое» — не за-

бывается. А если и забудется на снѣжномъ морозномъ воздухѣ не до конца еще отравленной эстетизмомъ и праздностью головой — если и забудется, то вѣдь: «все сохранитъ подземный залъ», забудется — снова вспомнится, едва войдешь ночью подъ эти низкіе своды, въ эти пестрыя стѣны. Съ каждымъ разомъ — «забывается» все труднѣй. «Запоминается» все легче. Что? да это самое — что цѣпи развязаны. «Многія цѣпи» — почти всѣ...

На маскарадахъ, вернисcажахъ, пятичасовыхъ чаяхъ и полунощныхъ сборищахъ все тѣ же лица, тѣ же разговоры. Проходятъ годы, точнѣе сезоны, мѣняются фасоны пиджаковъ и узоры галстуковъ. Больше ничего не мѣняется. Это бытъ. Началось это послѣ 1905 года, кончится въ 1917.

Страшно кончится.

Общественность? — Скука Политика? — Пошлость. Работа? — Божье наказаніе, отъ котораго «мы», къ счастью, избавлены. Богатые — тѣмъ, что у нихъ есть деньги, бѣдные — тѣмъ, что можно попрошайничать у богатыхъ.

Маскарады, вернисcажи, пятичасовые чаи, ночныя сборища. Міръ уайльдовскихъ остротъ, зеркальныхъ проборовъ, міръ, въ которомъ мѣняется только узоръ галстуковъ.

Кончится это страшно. Но о концѣ никто не думаетъ.

Кончится это такъ. Когда въ оранжерейную затхлость жизни «красивой и беззаботной» ворвется февраль 1917 года, тѣ, въ комъ этотъ «бытъ» не доканалъ еще человѣка, — опрометью бросятся на «свѣжій воздухъ». И, чѣмъ больше осталось человѣческаго, тѣмъ стремительнѣе бросятся, тѣмъ менѣе разсуждая...

Каннегисеръ въ 1917 году писалъ:

И, если, шатаясь отъ боли,
Къ тебѣ припаду я, о, мать,
И буду въ покинутомъ полѣ
Съ простреленной грудью лежать,

Тогда у блаженнаго входа,
Въ предсмертномъ и радостномъ снѣ,
Я вспомню — Россія, Свобода,
Керенскій на бѣломъ конѣ...

«О доблестяхъ, о подвигахъ, о славѣ» — онъ давно мечталъ. «Радостная смерть» за Россію, за свободу, за человечество — ему давно мерещилась. Но какая жестокая разница между тѣмъ, что мерещилось, и тѣмъ, что оказалось въ дѣйствительности.

... Россія, Свобода,
Керенскій на бѣломъ конѣ?..

Нѣтъ, — подвалъ Че-Ка, сухой трескъ нагана.

***

Мало кто знаетъ, что убійца Урицкаго — былъ поэтомъ.

«Настоящимъ поэтомъ»? Да, настоящимъ. Если бы онъ просто «писалъ стихи», какъ большинство молодыхъ людей его возраста и круга, — не стоило бы о нихъ упоминать.

Но Каннегисеръ былъ впрямь поэтомъ. Онъ погибъ слишкомъ молодымъ, чтобы дописаться до «своего». Оставшееся отъ него — только опыты, пробы пера, предчувствія. Но то, что это «настоящее», видно по каждой строкѣ.

Такъ вотъ — убійца Урицкаго былъ поэтомъ. А что такое поэтъ? Прежде всего, существо съ удвоенной, удесятеренной, утысячеренной чувствительностью. Покойный докторъ Карпинскій, удивительнѣйшій психо-неврологъ, говорилъ:

— Понимаете, если отрѣзать палецъ солдату и Александру Блоку — обоимъ больно. Только Блоку, ручаюсь вамъ, въ пятьсотъ разъ больнѣе.

Не знаю, какъ насчетъ пальцевъ, но въ области душевной, увѣренъ, что «Блоку» всегда больнѣе, чѣмъ «не Блоку», безразлично, солдату или банкиру. Такова уже суть «поэтической природы». Не поэтамъ нечего на это обижаться. Радоваться, вѣроятно, тоже нечего...

Итакъ, Урицкаго убилъ не простой «русскій мальчикъ». Урицкаго убилъ — поэтъ.

... На Милліонной схватили, какъ затравленнаго звѣря. Отвезли въ Че-Ка. Что съ ними дѣлали тамъ, какъ допрашивали ? Грозили, что его мать, отецъ, вся семья будутъ разстрѣляны. Говорятъ — истязали. Долгіе недѣли въ тюрьмѣ въ ожиданіи казни... Никакого просвѣта, никакой надежды...

Каннегисера очень долго не казнили. Зачѣмъ это было нужно — не знаю. Долгія недѣли такой «жизни» даже трудно себѣ представить. А, вѣдь, онъ «прожилъ» ихъ и, кромѣ страшной судьбы, которую самъ себѣ выбралъ, оставался тѣмъ же Ленечкой Каннегисеромъ, двадцатилѣтнимъ, веселымъ, влюбленнымъ, гордымъ ..

Солдату, когда ему рѣжутъ палецъ, если «и не такъ больно», какъ «Александру Блоку», — все-же страшно, невыносимо больно.

А тутъ еще эта адская «таблица умноженія»:

Красивый × двадцатилѣтній × веселый × влюбленный × гордый... и еще поэтъ.

Уже здѣсь, въ Парижѣ, я видѣлъ послѣднюю фотографію Каннегисера, снятую за два или три дня до казни.

Когда родныхъ Каннегисера выпустили, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, изъ тюрьмы, даже мебель изъ

ихъ квартиры оказалась наполовину вывезенной. Отъ бумагъ, писемъ, фотографій, разумѣется, ничего — если ужъ рояль взяли въ качествѣ «вещественнаго доказательства».

И, вернувшись, послѣ долгихъ мѣсяцевъ, изъ тюрьмы, родители Каннегисера не нашли ни одного портрета своего казненнаго сына.

«Все уничтожено», — отвѣтили въ Че-Ка на просьбу вернуть хоть одну фотографію.

Въ кабинетѣ слѣдователя было нѣсколько человѣкъ. Когда отецъ Каннегисера былъ уже на улицѣ, его окликнули. Чекистъ въ кожаной курткѣ, одинъ изъ бывшихъ въ кабинетѣ. Онъ протягивалъ фотографіи.

— Вотъ. Намъ всѣмъ раздавали. Возьмите.

И, помолчавъ, прибавилъ:

— Вашъ сынъ умеръ, какъ герой...

Два маленькихъ блѣдныхъ отпечатка, такіе, какъ дѣлаютъ для паспортовъ.

Особенно страшенъ одинъ, въ профиль. Это — Каннегисеръ? Тотъ, котораго мы знали, красивый, веселый, гордый мальчикъ?

Да, Каннегисеръ .Только ни его красоты ,ни молодости, ни веселья, ни стиховъ — уже нѣтъ. Осталось на этомъ лицѣ только одно — гордость.

Губы крѣпко сжаты. Глаза смотрятъ спокойно и холодно. Волосы гладко причесаны и щеки выбриты. Но есть въ этомъ лицѣ что-то такое, отъ

чего вздрогнетъ всякій, взглянувшій на этотъ портретъ, даже не зная, чей онъ, откуда онъ...

Каннегисера держали въ Кронштадской тюрьмѣ. На допросъ въ Петербургъ его возили по морю въ катерѣ. И вотъ разсказъ одного изъ возившихъ матросовъ. Въ серединѣ пути разыгралась буря, и катеръ начало заливать. Каннегисеръ сказалъ:

— Если мы потонемъ, я одинъ буду смѣяться.

Въ томъ, что эти слова подлинныя, не усомнится никто изъ знавшихъ Каннегисера. Весь онъ въ этой фразѣ. Онъ бы и разсмѣялся навѣрное, если бы катеръ перевернуло. А везли его изъ тюрьмы въ застѣнокъ. Позади — долгія недѣли въ ожиданіи казни. Впереди — никакого просвѣта, никакой надежды...

Балтійское море дымилось,
И словно рвалось на закатъ.
Балтійское море садилось
За синій и дальній Кронштадтъ...

Георгій Ивановъ.

Мнѣ навсегда памятно чувство, съ которымъ я, 30 августа 1918 года, прочелъ въ вечерней газетѣ сообщенiе объ убiйствѣ Урицкаго. Увидѣвъ имя Каннегисера, я, еще ни въ чемъ не отдавая себѣ отчета, подумалъ — не тотъ ли? И сразу понялъ: тотъ, конечно, тотъ, — можетъ ли быть иначе! Сквозь смутную тревогу, сквозь удивленiе и жалость, пробивалось сознанiе, что случилось нѣчто неизбѣжное. А вѣдь — кто этого не знаетъ? — не всегда «неизбѣжное» исполняется. Бываетъ, что его ждешь-ждешь, и оно медлитъ, и не приходитъ, хотя все для него подготовлено, и все какъ-бы зоветъ его...

Оговорюсь, что о намѣренiяхъ Леонида Каннегисера я ничего не зналъ и вообще о политическихъ дѣлахъ говорилъ съ нимъ мало. Въ годы революцiи я его видѣлъ рѣдко. Помню послѣднюю мою встрѣчу съ нимъ, мѣсяца за два до убiйства. Онъ

пріѣхалъ ко мнѣ неожиданно, въ довольно необычный часъ, вошелъ и сразу легъ на диванъ, закрывъ глаза рукой. Я искоса поглядѣлъ на него и, по твердо укоренившейся въ нашемъ тогдашнемъ быту, безжалостной привычкѣ всегда надо всѣмъ подшучивать, сказалъ нѣсколько насмѣшливыхъ словъ, — вродѣ того, что, если ему угодно лежать и молчать, то лучше было оставаться дома. Леонидъ привсталъ, замѣтилъ, что ему нездоровится, разсѣянно и устало перелисталъ какую-то книгу, и ушелъ. Кажется, ему хотѣлось о чемъ-то поговорить, но я помѣшалъ ему. Мы остались недовольны другъ другомъ и больше никогда не видѣлись.

Я былъ съ нимъ очень друженъ въ годы войны, и, пожалуй, еще больше въ ту зиму, которая войнѣ предшествовала. Всѣ мои воспоминанія о немъ связаны съ тѣмъ временемъ, и впечатлѣніе, что въ существованіи Леонида Каннегисера должно случиться что-то необыкновенное, сложилось тогда же. Можетъ показаться, что я теперь поддѣлываю свои тогдашнія мысли. Но дѣйствительно я часто, послѣ бесѣдъ съ нимъ съ глазу на глазъ, думалъ, что жизнь этого человѣка должна какъ-то оборваться, «просіять и погаснуть».

Онъ былъ тогда совсѣмъ еще мальчикомъ, — хотя ничего мальчишескаго въ немъ замѣтно не было. Онъ рано развился, держался, какъ взрослый, — слегка только грустнѣе, чѣмъ обыкновенно бы-

ваютъ взрослые, — и съ нимъ обо всемъ можно было говорить. Онъ съ увлеченіемъ писалъ стихи, и въ первые вечера нашей дружбы мы въ бесѣдѣ все время бродили около стиховъ, вспоминали забытыя строчки, перебивали другъ друга, читая то Пушкина, то Блока. Какъ легко догадаться, эти юношескіе разговоры о стихахъ были въ сущности разговорами о «послѣднихъ вопросахъ» — о любви, о жизни, о человѣкѣ, о судьбѣ, о смерти, о Богѣ. Но не совсѣмъ они были обычны. Ихъ пронизывалъ какой-то холодокъ. или, можетъ быть, горечь... Много писалось о Петербургѣ предреволюціонныхъ лѣтъ, и до сихъ поръ еще у людей, жившихъ въ немъ, существуетъ нѣкая, трудно объяснимая «круговая порука душъ». Особенно относится это къ тѣмъ, кто тогда начиналъ свою молодость, и чьи естественно - розовыя надежды сплетались съ предчувствіемъ будущихъ бѣдъ, съ ощущеніемъ конца. Конечно, эти предчувствія шли дальше того, что въ дѣйствительности случилось, — большее захватывали. Намъ казалось, что никто никогда не жилъ «блаженнѣе и безнадежнѣе». Можетъ быть, мы и ошибались. Не стоитъ обо всемъ этомъ снова говорить.

Леонидъ былъ однимъ изъ самыхъ петербургскихъ петербуржцевъ, какихъ я зналъ. Но весь онъ будто двоился. Онъ тяготился своей безпечностью, и скучалъ, — не совсѣмъ такъ, какъ большинство

его сверстниковъ. Его томила та полу-жизнь, которою онъ жилъ, и когда я слушалъ его первые стихи, когда я теперь читаю его стихи предсмертные, для меня несомнѣнно, что только объ этомъ они и написаны. Было въ душѣ его постоянное желаніе какого-то полета. Было настоящее исканіе подвига, — какой бы то ни было цѣной. Думаю, что въ годы нашей дружбы эти стремленія были безсознательны. Потомъ они прояснились и, сдѣлавшись острѣе и настойчивѣе, привели къ катастрофѣ.

Въ немъ была огромная жажда жизни. Онъ былъ къ жизни непомѣрно требователенъ. Онъ хотѣлъ «взаимности», исключительности. Конечно, у Леонида Каннегисера были важныя и повелительныя основанія сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ 30-го августа 1918 года. Но вообще «что-то» сдѣлать было ему необходимо, и тѣнь обреченности лежала на немъ постоянно. Въ этомъ было его обаяніе: казалось бы, все дала ему природа для обыкновеннаго человѣческаго счастья, — а онъ не дорожилъ ничѣмъ.

Какъ-то, чуть ли не въ первый мѣсяцъ нашей дружбы, я вечеромъ былъ у него въ Сосновкѣ. Онъ учился тогда въ Политехническомъ Институтѣ и, чтобы не возвращаться ежедневно въ городъ къ родителямъ, жилъ гдѣ-то по близости.

Я засидѣлся за полночь. Леонидъ пошелъ провожать меня до трамвайной остановки. Ничего осо-

беннаго ни въ нашемъ разговорѣ, ни въ пригородномъ пейзажѣ не было, но почему-то мнѣ запомнилась эта ночь, съ мягко-хрустящимъ снѣгомъ подъ ногами, съ мягкими, слабыми звѣздами и темными верхушками елокъ въ садахъ. Помню даже, что я безъ причины пропустилъ очередной трамвай и остался до послѣдняго.

Леонидъ говорилъ:

— Знаете, въ сущности, вы декораторъ... только декораторъ.

— ?...

— Да, помните, вотъ сейчасъ мы читали... «Пойми же, я спуталъ, я спуталъ...»? Это вѣдь только пелена... чувствуете ли вы? И всѣ стихи вообще.

— ...

— Какъ бы это сказать? Надо сквозь это, за это... И чтобы вы тамъ ни нашли, надо принять... А такъ что же! Des roses sur le néant. Только и всего.

— ...

— О смерти? Ну, вѣдь, если о чемъ-нибудь начнешь думать серьезно, всегда приходишь къ мысли о смерти. Иначе не бываетъ.

И вдругъ онъ спохватился, какъ будто «сболтнувъ лишнее». Или какъ будто вспомнилъ, что по нашимъ основнымъ законамъ хорошаго тона необходимо подбавить ироніи:

— Все это пустяки... «Игра, другъ, игра». Надо умѣть говорить во всѣхъ стиляхъ. Я теперь упраж-

няюсь въ сентиментально - мистическомъ. Не обольщайтесь, пожалуйста.

Не помню, обольщался ли я тогда. Но теперь-то ужъ я не обольщаюсь.

Увѣренъ, что, какъ ни грустно ему было умирать и какъ ни тяжело ему было въ послѣдніе дни, все - таки въ эти дни душа его ликовала. Ему казалось, что убійство Урицкаго нужно Россіи и онъ зналъ, что надо пожертвовать собой. И еще онъ зналъ, что самопожертвованіе даетъ человѣку высшее счастье и ту свободу, которой не стѣснятъ и не ограничатъ никакіе тюремщики.

Если бы теперь, черезъ десять лѣтъ, еще могъ онъ слышать нашу рѣчь, и еще могъ спросить, — какъ спрашивалъ всегда, съ застѣнчивой и милой улыбкой, прочтя какое-нибудь новое свое стихотвореніе, — «хорошо?»

— мнѣ бы хотѣлось увѣренно и твердо, дѣйствительно какъ другу, сказать:

— Хорошо. Все — хорошо.

Скажемъ это, даже, если онъ и не услышитъ насъ.

Георгій Адамовичъ.

ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ СТИХОВЪ
ЛЕОНИДА КАННЕГИСЕРА

ДОНЪ-ЖУАНЪ

Одинъ изъ избранныхъ плѣнительнаго стана
Героевъ, никогда не падавшихъ во прахъ,
Излюбленная тѣнь красиваго обмана,
Такъ много образовъ принявшая въ вѣкахъ.

И мы въ двадцатый вѣкъ, въ душѣ питая страхъ,
Рабы тяжелаго, гнетущаго тумана,
Читаемъ съ радостью въ живительныхъ строкахъ
Слова величія о жизни Донъ-Жуана.

Тирсо де Молина, Виллье и Доримонъ,
Мольеръ, Моцартъ, Ленау, и Пушкинъ, и Байронъ,
Плѣнялись образомъ севильскаго героя.

Люблю его! Онъ — врагъ небесныхъ скучныхъ странъ,
Могучій духъ борьбы, нанесшій столько ранъ
Сердцамъ, тупѣющимъ въ недвижности покоя.

Въ гимназической тетради,
вмѣсто классного сочиненія
1912 г.

СТИХИ О ФРАНЦИСКѢ

I

Не мало въ Умбріи дорогъ,
И тѣ, что прежде тоже были,
Еще, быть можетъ, сохранили
Слѣды любимыхъ легкихъ ногъ.
Онъ шелъ спокойный изъ Ассизи,
И было въ мірѣ торжество,
Сіяло солнце въ яркой ризѣ
На небѣ Умбріи его.
И все другъ другу было близко,
И былъ привѣтливъ шелестъ травъ,
Въ усталомъ странникѣ Франциска
Какъ будто издали узнавъ.
« Сверни къ намъ, братикъ нашъ, съ дороги,
На нашей зелени въ тѣни
Усни, отъ зноя отдохни
И разскажи о нашемъ Богѣ ».

« Сестрички травы и ромашки,
Благодарю за вашъ привѣтъ.
Не правда-ль, ясенъ Божій свѣтъ
Для самой маленькой букашки.
Братъ Солнце знаетъ злотокудрый,
Одна печаль — тяжелый грѣхъ:
Насъ любитъ Богъ, онъ очень мудрый
И хочетъ радости для всѣхъ.
Онъ васъ хранитъ, и вы — живыя,
Поятъ васъ струи дождевыя —
Свѣтло возрадуйтесь Ему...
И льнутъ цвѣточки полевые
Къ Франциску, брату своему.

II.

Всегда въ пути, подъ тканью грубой,
Францискъ отвыкъ отъ сладкихъ нѣгъ,
И тѣнь развѣсистаго дуба
Его излюбленный ночлегъ.

Истомы въ тѣлѣ нѣтъ усталомъ
И страсти нѣтъ въ изгибѣ губъ,
Но вѣетъ дивнымъ опахаломъ
Надъ нимъ волнующійся дубъ.

Неслышный вѣтеръ въ часъ волшебный
Колеблетъ мирную листву,
Франциску снится сонъ хвалебный,
И онъ святой, какъ на яву.

Отъ дальныхъ горъ и ближней нивы
Все спитъ до завтрашняго дня
И даже цвѣтики ревнивы,
Франциска ласково хранятъ.

III.

Здравствуй, Солнце, братъ надзвѣздный,
Лей лучи отъ знойныхъ устъ,
Поцѣлуй жарой любезной
Каждый цвѣтъ и каждый кустъ.

Братъ, рожденный въ яркомъ свѣтѣ,
Всѣхъ насъ бодро весели,
Всѣ мы ласковыя дѣти
Милой матери — земли.

Золоти моря и сушу,
Лучь съ небесъ стреми иглой,
И пронзи, пронзи намъ душу
Восхитительной хвалой.

На поляхъ хлѣба созрѣли,
Нива шопотъ пронесла,
Въ ближней рощѣ птичьи трели, —
Вотъ возносится хвала,

То хвала благому Богу,
Міръ даритъ намъ алтари...
Сердце, старость и тревогу
Въ благодарность претвори.

Мартъ 1915.

Вода и кровь струятся въ ладъ,
Здѣсь тѣнь окутала предметы,
Забвенья лучше — нѣтъ усладъ,
Ни рѣкъ плѣнительнѣе Леты.

Въ ней годы тонутъ навсегда,
И не нагомнитъ о бываломъ
Ея свинцовая вода
Подъ неподвижнымъ покрываломъ.

И приголубитъ, и уйметъ, —
И сердце мертвое тревожа,
Не брызнетъ буйный водометъ
Изъ Леты каменнаго ложа.

18 окт. 1915, СПБ.

Я чехлы надѣла
    На кровать, —
Бабье наше дѣло
    Горевать.

Счастіе уплыло
    Къ облакамъ,
Всѣмъ то я постыла
    Мужичкамъ.

Что то всѣхъ ихъ гонитъ
    Со двора.
Нынче никого нѣтъ,
    Знать — стара.

Лишь горбунъ порою
    Надойдетъ.
Только не открою
    Я воротъ,

И ему дала бы
    Я пріютъ.
Да другія бабы
    Засмѣютъ.

Зима 1915 г.

Въ юдольной нѣгѣ милыхъ встрѣчъ
Есть соучаствующій геній,
Неуловимѣйшая рѣчь —
Въ лѣнивомъ шопотѣ растеній.

У зримыхъ чертъ — незримый ликъ,
И въ сердцѣ есть подъ каждой схимой
И сладости неизъяснимой
И силъ таинственный родникъ.

19 фе р. 1916 г СПБ

Туманъ подъ крышу вокзала
Валилъ, какъ дымъ изъ трубы,
И въ немъ толпою продрогшей
Стояли твои рабы.
И тамъ въ суетѣ печальной
Не помнить никто не могъ,
Что скоро звонарь вокзальный
Послѣдній подастъ звонокъ.

И ты разсѣяннымъ взоромъ
Скользила по сторонамъ,
И насъ уже забывая,
Еще улыбалась намъ.
Прощальное подаянье —
Взглянула въ послѣдній разъ,
И страшно было сіянье
Печальныхъ и свѣтлыхъ глазъ.

5 марта 1916 г. СПБ

КАЗНЬ

Изъ темной двери кабака
По шаткой лѣстницѣ подвала,
Какъ бурей вздутая рѣка,
Толпа на площадь прибывала
И въ изступленіи слѣпомъ,
Какъ по архангелову гласу,
Стеклась къ назначенному часу
И крыши залила кругомъ.
Парижу буйному въ угоду
Веселый день на площади, —
Какъ островъ, всплывшій въ непогоду, —
Высокій помостъ впереди.
(И явно, явно нетерпѣнье :
И ревъ, и возгласы, и вой,
И топотъ ногъ на мостовой,
И разомъ грянувшее пѣнье.)

Летѣлъ ли ангелъ въ небесахъ,
Труба ли горняя звучала,
Когда, какъ судно на волнахъ,
Въ толпѣ коляска проплывала, —

Но какъ по знаку гулъ умолкъ
И всюду только было слышно,
Какъ прошуршалъ одежды пышной
Версальскій вылинявшій шолкъ.
Оцѣпенѣвъ, толпа стояла
Въ молчаньи, въ ужасѣ — и вотъ
Она, не глядя на народъ,
До эшафота дошагала,
Неслышной поступью взошла,
Стройнѣй увѣнчаннаго древа,
И руки къ небу — королева,
Какъ пальма — вѣтви, подняла.

13-IV-1916 г. СПБ.

Одѣнетъ землю синій ледъ,
Сверкнутъ блестящіе морозы,
Но не внезапно отцвѣтетъ
Блаженный кустъ тепличной розы.

Есть жаръ, воспитанный въ крови
И не идущій сердца мимо, —
И роза милая любви
Отъ увяданія хранима.

16 мая 1916 года
С.-Петербургъ

Ярославль

I

Что церквей, что крестовъ, что звона.
Есть ли дольнія свѣту мѣры?
Вотъ, надъ Волгой кроткое лоно
Золотой православной вѣры,
Бѣлый голубь, чистый и мудрый,
Свилъ гнѣздо восхваленьямъ Спаса,
И любовью юнъ златокудрый,
И хвалою старъ сѣдовласый.
Колокольному внемля пѣнью,
Божій ангелъ, простершій руку,
Надъ рѣкой подъ липовой тѣнью
Отпускаетъ тяжкую муку.
Сонный запахъ полей ли, травъ ли
Робкій вѣтеръ донесъ устало...
Въ тихомъ городѣ Ярославлѣ
Сердце темное ликовало.

II

Не упуститъ сумракъ часа,
Воздухъ весь поголубѣлъ.
У Николы иль у Спаса
Тонкій колоколъ запѣлъ?
Вотъ, надъ синею рѣкою
Засвѣтились огоньки,
Подъ увѣренной рукою
Воду рѣжутъ челноки.
Блѣдноалую корону,
Вотъ, надѣли небеса,
И серебряному звону
Съ лодокъ вторятъ голоса.

Знаю, знаю, рокъ — надъ нами.
Онъ, скупой, мнѣ не судилъ
Видѣть синими глазами
Въ ясномъ небѣ Бога силъ.

Ахъ, безъ вѣры сердце сиро,
Праздныя томятъ мечты,
Страстно, страстно жажду мира
Чистоты и простоты.
Хоть болящимъ, хоть горбатымъ,
Ближе, ближе къ Богу быть,
Съ добрымъ другомъ, съ милымъ братомъ
Волгу въ лодкѣ переплыть.

Іюнь 1916 г.
Ярославль

Сердце! Бремени не надо.
Легкимъ будь въ земномъ пути,
Ранней ласточкой изъ сада
Въ небо синее лети.

Видишь: лѣстницей воздушной
Прямо къ облакамъ цвѣтнымъ,
Вонъ, идетъ отъ жизни душной
Голубой и легкій дымъ.

Грянетъ громъ, и золотая
Гнѣвно выпрянетъ стрѣла,
Если туча молодая
Въ небѣ влагой тяжела.

Плакать, сокрушаться рано;
Легокъ день, и ночь легка,
Легче сѣраго тумана
Улетучится тоска.

Вижу, вѣрю, вспоминаю,
Ласковый Господь со мной.
Онъ и въ жизнь и въ смерть, — я знаю, —
Вводитъ легкою рукой.

23 августа 1916 г.
С.-Петербургъ

ЕВРЕЙСКОЕ ВѢНЧАНІЕ

Семь свѣчей горятъ, оплывая,
А восьмая — въ Его рукѣ,
И органъ поетъ, надрываясь,
О еврейской старой тоскѣ.

О, раввинъ, о, вѣнчатель строгій, —
Поднялъ перстъ, кольцо — и грозитъ,
И подъ сонный сводъ синагоги,
Будто соколъ, голосъ летитъ.

Адонай! Адонай! Угроза!
Стонутъ звуки, — Ты слышишь ихъ?
Подъ серпомъ нѣжнѣйшая роза
Палестинскихъ садовъ Твоихъ.

30 ноября — 1 декабря
1916 г.

.... подо льдомъ, подо льдомъ,
Мертвымъ его утопили въ проруби,
И мерзлая вода отмываетъ съ трудомъ
Запачканную кровью бороду.
Подъ глазами глубокіе синіе круги,
Плещется во рту вода сердитая,
И тупо блестятъ лакированные сапоги
На окоченѣлыхъ ногахъ убитаго.
Онъ бьется, скрючившись, лбомъ объ ледъ,
Какъ будто въ рѣкѣ мертвому холодно,
Какъ будто онъ на помощь царицу зоветъ
Или обѣщаетъ за спасенье золото.
Власть и золото, давшіяся ему,
Какъ Божій подарокъ ! или все роздано,
И никто не пуститъ въ ледяную тюрьму
Хоть струйку сибирскаго родного воздуха ?

С.-Петербургъ
19 декабря 1916 г.

Слѣпили очи зимнія мятели,
Вѣтрами пѣлъ неугомонный день,
Какъ птицы, тучи бѣлыя летѣли,
И синеватая бѣжала тѣнь.

Вдругъ на закатѣ — облачное ложе
Прорѣзалъ свѣтъ неугасимо алъ,
Въ лазурныхъ латахъ свѣтлый воинъ Божій
Мечомъ червоннымъ тучи разсѣкалъ.

Искоренись, лукавый духъ безвѣрья!
Земля гудитъ, — о, нестерпимый часъ, —
И, вотъ, уже — серебряныя перья
Архангела, упавшія на насъ.

6 февр 1917 г

СМОТРЪ

На солнцѣ сверкая штыками, —
Пѣхота. За ней, въ глубинѣ, —
Донцы-казаки. Предъ полками —
Керенскій на бѣломъ конѣ.

Онъ поднялъ усталыя вѣки,
Онъ рѣчь говоритъ. Тишина.
О, голосъ — запомнить на вѣки :
Россія. Свобода. Война.

Сердца — изъ огня и желѣза,
А духъ — зеленѣющій дубъ,
И пѣсня — орелъ, Марсельеза,
Летитъ изъ серебряныхъ трубъ.

На битву ! — И бѣсы отпрянутъ,
И сквозь потемнѣвшую твердь
Архангелы съ завистью глянутъ
На нашу веселую смерть.

И если, шатаясь отъ боли,
Къ тебѣ припаду я, о, мать! —
И буду въ покинутомъ полѣ
Съ прострѣленной грудью лежать, —

Тогда у блаженнаго входа,
Въ предсмертномъ и радостномъ снѣ
Я вспомню — Россія. Свобода.
Керенскій на бѣломъ конѣ.

27 іюня 1917 г.
Павловскъ.

ПОХИЩЕНІЕ

Потемнѣли горніе края,
Ночь пришла и небо опечалила, —
Часъ пробилъ, и легкая ладья
Отъ Господнихъ береговъ отчалила.
И плыла она, плыла она,
Бѣлымъ ангеломъ руководимая ;
Тучи жались, пряталась луна...
Крестъ и поле, — вотъ страна родимая.
Скованная льдомъ рѣчонка спитъ,
Снѣжнымъ серебромъ блеститъ околица,
На краю у поля домъ стоитъ,
Тамъ надъ отрокомъ священникъ молится.
Ночь поетъ, какъ птица Гамаюнъ.
Какъ на зовъ въ морозъ и ночь не броситься ?
Или это только вьюжный вьюнъ
По селу да по курганамъ носится ?

Бьется отрокъ. Охъ, душа растетъ,
Охъ, въ груди сейчасъ ужъ не помѣстится...
«Слышу... Слышу... Кто меня зоветъ ?»
Надъ покойникомъ священникъ крестится.
Плачетъ въ домѣ мать. Кругомъ семья
Причитаетъ, молится и кается,
А по небу легкая ладья
Къ берегамъ Господнимъ пробирается.

Павловскъ, 3 іюня 1917 г.

. . . .
О, кровь семнадцатаго года,
Еще, еще бѣжитъ она :
Вѣдь и веселая свобода
Должна же быть защищена.

Умремъ — исполнимъ назначенье,
Но въ сладость претворимъ сперва
Себялюбивое мученье,
Тоску и жалкія слова.

Пойдемъ, не думая о многомъ —
Мы только выйдемъ изъ тюрьмы,
А смерть пусть ждетъ насъ за порогомъ,
Умремъ — безсмертны станемъ мы.

. . . .
. . . .
Письмо въ стихахъ — плохая шутка.
. . . .

Не терпитъ болтовни искусство,
Жестоко къ слабому оно,
Вѣдь и возвышенное чувство
Съ плохими риѳмами смѣшно.

Лѣто 1917 г.

СОНЪ

Во снѣ я слышалъ, что весна придетъ,
Какъ никогда еще не приходила,
Пушистый снѣгъ покроется травой
И ландышемъ пахнетъ. Одѣнутъ листья
Оледенѣлый сукъ. Изъ южныхъ странъ
Малиновки вернутся въ январѣ,
И надъ домами въ воздухѣ и въ небѣ
Серебряные будутъ голоса. —
И думалъ я, проснувшись : это — миръ.

13 ноября 1917 г.
С.-Петербургъ.

ЖУРФИКСЪ

Въ гостиной на чопорномъ креслѣ
Расплачусь, какъ мальчикъ, сейчасъ, —
Подъ лифомъ парижскаго дома
Русалочье сердце у васъ.

Въ глазахъ — огонекъ золотистый,
Насмѣшливо подняли бровь...
Но ваши — холодныя губы,
И съ вами опасна любовь.

Скорѣе изъ дома, гдѣ дамой
Въ кругу говорливыхъ гостей
Русалка довѣрчивыхъ губитъ
По старой привычкѣ своей:

Уже я чрезмѣрно разсѣянъ,
Уже я невеселъ и нѣмъ...
Нѣтъ, — лучше я чая не выпью
И желтаго кэкса не съѣмъ.

8-21 февраля
1918 г.
СПБ.

ЗАПУСТѢНЬЕ

Всѣ вещи изъ дому убрали,
Опилки, вату изъ окна,
Соръ вымели, дощечку сняли,
Но оставалась тишина.

Она закупорила щели,
Весь воздухъ сдѣлала плотнѣй,
Но голосъ призрачной свирѣли, —
Твой голосъ, — слышался и въ ней.

Тогда изъ темнаго подполья
Сбѣжались мыши, и въ пыли,
Почуя новое раздолье,
Забѣгали и заскребли.

И тишину, гдѣ все уснуло,
Гдѣ домъ опустошенный спалъ,
Мышиная возня спугнула,
И милый голосъ твой пропалъ.

СПБ.
9-22 февраля 1918

(

СНѢЖНАЯ ЦЕРКОВЬ

Зима и зодчій строили такъ дружно,
Что не поймешь, гдѣ снѣгъ и гдѣ стѣна,
И скромно облачилась ризой вьюжной
Господня церковь — бѣдная жена.

И спитъ она средь бѣлаго погоста,
Блеститъ стекло безхитростной слюдой,
И даже золото на ней такъ просто,
Какъ нитка бусъ на бабѣ молодой.

Запѣла мѣдь, и нѣмота и нѣга
Вдругъ отряхнули набожный свой сонъ,
И кажется, что это — голосъ снѣга,
Растаявшаго въ колокольный звонъ.

Нижній Новгородъ
Мартъ 1918

С т а т ь и :

Imprimerie L. Beresniak
12, rue Lagrange, Paris.